

Г-20 Р-2 Кр
Г-20
118357

В. ГАРНОВСКИЙ
ПОЛЕСНИКИ
У КОСТРА

ОХОТНИЧЬИ
РАССКАЗЫ

В. ГАРНОВСКИЙ

15

Г. 20

88
4

118357

ПОЛЕСНИКИ У КОСТРА

Охотничьи рассказы

574-44
1951
ЧЕДЕРКОНИН
свод охотничьих рассказов
1951

В И Б Л И О Т Е К А
ОБЩАЯ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
Г. № 162

Вологодская
областная детская
библиотека

Вологодское Областное издательство

„Красный Север“

1 9 5 0

РЛ кр
Г 20

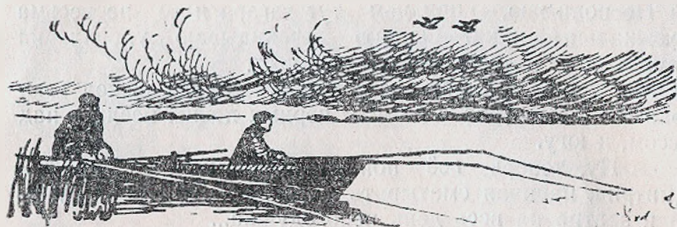
Содержание

Перед грозой	3
Беличий ход	6
Маремьяна-полесница	9
Егор Бесстрашный	13
Андрон Суковерский	15
Пирот на всех	19
Проклятая дорога	21
Птичка-неспокойка	22
Заяц-охотник	23
Африкановы заботы	24
Осиновый мыс	28
Звериный сад	30
На смертном гону	31
Крестовый камень	34
Поправка к истории	39
Черемуховый снег	42

Редактор *А. М. Ширикова.*
Техредактор *А. А. Веселовская.*
Рисунки *Е. П. Шильниковского.*

ГЕ03992. Сдано в набор 25.2.50 г. Подписано к печати 5.5.50 г.
Объем 2³/₄ печ. л. Тир. 15000. Зак. 1002.

Вологда, Областная типография «Красный Север»

Перед грозой

-- Словно в кадушку удочки закинута — поплавок не качнется, — ворчал Тимофей Дмитрич, сердито выключивая свою трубочку о борт лодки. — И куда только вся рыба подевалась? Не иначе — перемена погоды будет, ишь как парит.

Действительно, даже озеро не смягчало июльского зноя. Тишь — ни ветриночки. Сладковатым дурманящим запахом тянуло с прибрежных моховых болот, не нашим, не северным ароматом слабо дышали белые водяные лилии. Разве синия стрекоза протрещит в воздухе, да ястреб жалобно пропищит где-то высоко-высоко над лесами.

А рыба не клевала. С утра, на самом восходе, мы не успевали червей насаживать и снимать с крючков крупных окуней. Но взошло солнце, и как топором отрубил. Сидим который час да табак жжём без устали.

— Давай-ка зной переждём, подремлем на берегу под кустиками, — предлагаю я старику. — На вечерней зорьке рыба загуляет, своё возьмём.

Тимофей Дмитрич колеблется. Оно хорошо в лодке, да надо якорь поднимать, удочки смазывать, то да сё. А вдруг от клева уедем?.. И это «вдруг» заставляет его нерешительно молчать.

— Поедем на берег. Слышь?

— Ужо, гагары подождём.

— Какой гагары?

— Да посиди ты малость. Гагара заголосит, и мы домой...

Не понимаю, — при чём тут гагара и её не весьма музыкальный крик? Однако перекидываю удочки на другой борт и снова берусь за кистет.

Мы дождались гагарьего крика. Он прозвенел высоко над нами. Две огромных чёрных птицы неслись над лесом, к югу.

— Ну, теперь всё понятно, — заговорил Тимофей Дмитрич, начиная сматывать удочки. Скоро гроза будет да и завтра на весь день непогодушка...

— Это что же, тебе гагара подсказала?

— Она самая, гагара вот эта, да и ёлки к дождю лапки опустили.

Зной становился всё удушливее, нестерпимее. Обливаясь потом, подъехали мы к рыбацкой избушке. Как прохладно, уютно было в этой полутёмной норе, пропахшей рыбой, можжевельным дымом, которым старик выгонял по вечерам комаров.

Проснулись мы под вечер. Сизо-чёрная туча вспухала над миром, то и дело опоясываясь молниями, а затем над озером, над лесами катился величавый грохот.

Митрич уселся на пороге, наслаждаясь порывами ветра, любуясь тучей.

— Гагара не соврёт, брат! У неё дела такие...

— Как же это ты по гагарьему полёту ю непогоде узнаёшь?

— А просто. Куда гагары с нашего озера перед бурей летят? На Белое озеро. Его с нашим не сравнить. Сорок с лишним километров в длину да без мала столько же в ширину. Вот гагара туда и направляется. А перед хорошей погодой опять на лесные озера путь держит.

— Зачем же она туда летает и обязательно перед бурей?

— Так, разное говорят. Я молодым у своего отца спрашивал про это. Ну, он мне вроде сказки рассказывал. Вишь дело какое в старые годы было. Гагара — птица вольная, дикая. Её в клетку не посадишь, нет. С тоски помрёт. Это тебе не скворец. Ну, в стародавние времена гагара на море жила, на всём приволье. Да одна беда — для гнезда места ей не сыскать было, где ни пристроится — плеснёт морской волной в бурю, гагару вон выкинет, а гнездо размечет. Вот и подалась гагара на лесные глухие озёра. Здесь тихо, спокойно... Гагарье гнездо нескоро найдёшь, а чуть детёнышки из яиц, они

уж и на воде. Ну, а всё же тоскует вольная птица по раздолью, тесно ей в лесу. Она непогоду заранее слышит, улетает либо на большие озёра, вроде нашего Белого, либо на моря. Деток здесь оставит, верно по-своему скажет им — «сидите тихо, меня ждите». А сама там на кипучих-то валах и празднует.

Неслышно ступая босыми ногами, подошёл Василий Матвейч, колхозный пасечник. Он уселся на корточках у стены и, закрыв глаза, слушал Тимофееву сказку. А выслушав, забасил:

— Ой нет, дядя Тимофей. Неправда, по-моему, это. Да какая мать от своих детенят гулять полетит, а их без призора бросит? Не бывает это. За другим гагара летает на Белсе озеро перед погодой.

— За чем — другим?

— За рыбой. Как расшумится озеро, пойдёт валами, начнёт рыбу на отмелях на полусмерть, а то и до смерти забивать. Столько чаек тогда налетит, ворон, ну и гагара тут же. Я сам видывал их не раз, только они подальше от берега держатся. Сама она наестся да и детям снесёт. А погоду она чувствует, это верно.

— Может и так, — нехотя согласился Тимофей. — Вон на ели погляди — в сухую погоду у них лапы кверху загибаются, а перед дождём книзу шатром виснут...

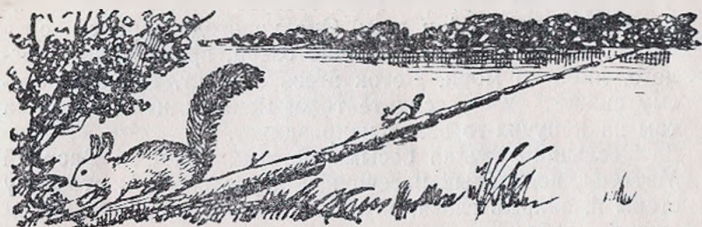
Всё вокруг вспыхнуло сине-белым огнём, грохнул страшный удар, и не помню, как мы все трое оказались в избушке...

— Здорово! — покрутил головой Тимофей Дмитрич. — Ну, и ахнуло!

Зашумел дождь, зароптал под порывами шального ветра лес, помутилось озеро под рокочущими струями грозового ливня. Совсем темно стало в нашей избушке. Старики дремали, и только огоньки их трубок иногда светились багровыми пятнышками. Гроза разгулялась во-всю...

... А на мутножёлтых волнах Белого озера, радуясь грохоту грома, рёву волн, качалась, грудью навстречу ветру, чёрная вольная птица гагара.

Беличий ход

Избушка Тимофея Дмитрича — у самой воды. Да чего там! Весной на прибылой воде не раз Тимофею приходилось свою лачугу верёвкой к осине привязывать, а то унесёт, иди потом ищи своё пристанище.

В избушке дед всё лето проводит. Плохие ноги у деда, ещё в первую мировую войну покалечился, тяжёлую контузию получил.

Утром, чуть только на востоке небо посветлеет. Тимофей садится в свою душегубку и до вечера разъезжает по бесчисленным проливам и заливам Вашк-озера. Вечером к Тимофею внучонок Лёшка прибегает, молока, хлеба, табаку ему приносит, а домой несёт Тимофееву добычу — черноспинных жирных окуней, карасей-лентяев, щук...

К моему удивлению, Тимофей оказался у избушки в неурочное время, в полдень. Сидел на пороге, покуривал.

— Ты что, дед, не заболел ли?

— Нет, здоров. А так, дельце есть, Лёшку ожидаю с инструментом.

— Чем заняться хочешь? Лодку чинить?

— Новое дело! Лодка моя в порядке. Другой промысел. Да ты присядь, покури, а коли время есть — мне поможешь...

В полдень рыба клюёт плохо, я не торопился. Задымили с Тимофеем в две трубки.

— Ага, одна гостья есть! Ишь хвост-то какой пушистый! Против солнышка словно искры в нём брызжут,— неожиданно показал мне Тимофей на старую берёзу у самой избушки.

— Какая гостья?

— Белка. Вон, вон на кривом суку! Ишь на воду поглядывает, милая. Что, воды не любишь? Сейчас и ещё вяжтся, — уверенно заявил старик.

— Да откуда ты это знаешь?

— Нынче беличий год. Откуда только они берутся— не знаю. Бывают такие годы, когда на ёлках шишки не созревают. Сейчас и по деревенским заборам, и даже по крышам белки бегают. А вон и Лёшка идет.

Об этом можно было узнать и без Тимофеева предупреждения. Лёшка не умел ходить тихо, всегда какую-нибудь песню даже не пел, а выкрикивал ото всей полноты своего ребячьего сердца. Скоро из кустов показалась его физиономия, веснущатая, сероглазая, перепачканная черникой...

— На, припёс! Да вот и табак тебе, — заговорил он, вытрихивая перед дедем из корзины долото, пилу, узелки с хлебом, картошкой, табаком.

— Ну вот и ладно. Теперь и делом займёмся. Садись-ка за вёсла, — обратился он ко мне.

Скоро мы выбрались к Пятницкому проливу, соединявшему озеро Струбное с Курганным. Целая цепь озёр, под общим названием Вашкозера, красуется в густом таёжном лесу. Хорошо здесь! Привольно всякой птице и зверю. Вон туда лоси на водопой ходят, а там — гагар по зорьке увидеть можно целый выводок...

— Правь, правь вон к тем камушкам! — указывал мне Тимофей. Кряхтя вылез он на берег и начал командовать.

— А ну, люди добрые, помогайте! Вон у меня тонких ёлок десяток срублен, тащите-ка их к воде.

Затем Тимофей долотом пробил на концах этих брёвен проушины. Столкнув брёвна в воду, он лычком, через проушины, стал завязывать их одно с другим. Получилась длинная цепь, вроде сплавного «кошеля».

— Да куда тебе, Митрич, такая механика? — не раз спрашивал я.

— Сделаю — расскажу. А верней всего сам увидишь.

— Лёшка, может ты мне расскажешь?

— Не. Дед не вслит!

Дальше я совсем не стал ничего понимать. Мы прицепили один конец деревянной цепи к лодке и поехали на другой берег. Скоро оба берега пролива были соединены этой цепью.

— Ловушка, что ли, у тебя будет? — опять допытывался я у старика.

— Говорю — сам увидишь. Ну, теперь, давай, под те кустики. Теперь жара спала, окунь гулять выйдет. Надо удочки разматывать.

Мы занялись любимым делом. Но, против моего ожидания, Лёшка сегодня вёл себя благопристойно, не вертелся по-сорочьему в лодке.

Прошёл час, другой. И вдруг Лёшка зашептал:

— Деда, деда, бежит, бежит!

— Тише, пушай бежит.

— Кто бежит?

— А вон на наш-то «кошель» глянь. Видишь?

По зыбкой деревянной цепи бежала, торопилась рыженькая белочка, хвост трубой. Скоро за ней промелькнула другая. Лёшка был в восторге.

— Это дедушка им переправу устроил! Понял? — шептал он мне, забыв об удочке...

— Вдвоём выдумывали, — улыбнулся Тимофей — Ты вот послушай. Говорил я, что год-то нынче беличий. И вот добрались беличьи стаи до нашего озера, стоп — дальше ходу нет. Кругом-то в любую сторону не скоро обежишь, километров по пятнадцать обходу будет. А белкам-то, видимо, очень уж надо на эту сторону перебраться. Вот третьего дня сию я на лодке по самой середине этого-то пролива, ужу... Вдруг, раз! По спине у меня кто-то пробежал, да на голову ко мне. Я, дело прошлое, малость дрогнул, испугался. А тут мне как раз к носу беличий хвост свесился. «А, думаю, понятно, какой ко мне пассажир явился!». Хвост-то мокрый. Видно, что плыла белка заливом, устала, в мою лодку на перепутье спастись залезла.

— Ну, вот, сию, не шевельнусь, как бы гостью не испугать, и она сидит тихонько, хвост сушит. Непорядок это, если белка хвост замочила. Она, когда плывёт, хвост кверху столбиком держит. А эта как-то опростоволосилась, молодая, либо глупая. А мне сидеть тихо уж и невыгодно становится — поплавки ныряют, видно, что окуни на крючках...

— Что делать? Я не подставка для белки. За удочками потянулся. А моя гостыя сердито так цокнула, с моей головы соскочила и на носу лодки пристроилась, сидит, свою шубу вылизывает.

— Ладно! Окуней я вытащил, опять уды закинул. Гостыя сидит, на меня никакого внимания. И что скажешь? Вторая в лодку карабкается. У этой хвостик сухой. Мимо меня по борту пробежала и тоже на носу рядом с первой устроилась. Я сижу...

— Деда, деда, ещё две бегут!

— Для них и сделано. Пускай нас благодарят. Да. Тут я удочки достал, пассажирок своих на тот берег доставил. Обе на сосну забрались, мне что-то по-своему цокнули...

— Спасибо тебе говорили, — заметил Лёшка.

— Всё может быть. Вот и решили я и Лёшка белкам переправу устроить, жалко всё-таки зверят. Видно в тех лесах, откуда они нынче бегут, урожай на шишки нет, так они на хорошие места перебираются. Надо, надо им помочь.

— Деда, ещё одна перебежала!

— И пускай. А мы давай-ка на Ключевой омут переедем, под вечер там хорошо окуни клюют.

Маремьяна-полесница

Африкан, Кирша и я живём в разных деревнях, но весной, на охоте за глухарями, частенько сходимся в лесу. Так и называются у нас места этих нечаянных, но приятных встреч: «Первый ночлег», «Второй ночлег», «Третий ночлег». И сговариваться не надо, — ежели один раз на первом ночлеге не сойдёмся, то на второй раз обязательно где-нибудь да соберёмся. Хорошие, удобные места эти ночлеги — от глухариных токов недалеко, и сушняку для костров сколько угодно, и вода в ручьях светлая, не болотный кофей с лягушечьей икрой на заправку.

На «Третий ночлег» я пришёл после заката солнца. Кирша был уже у костра, варил картошку. А перед самой полночью слышим по лесу шум и треск. Видно

шёл какой-то молодой охотник, ещё не привыкший в темноте ходить по лесным тропам тихонько да осторожно.

— Какого ещё чорта неумного несёт? — заворчал Кирша. — Ужо пальбу ему за это устроить надо.

К нашему великому удивлению, это был Африкан Ильич. Но стоило только взглянуть на его не путём взлохмаченную сивую бороду, на покрасневшие, умильно улыбающиеся, ставшие маленькими глазки, всё понятно становилось. Изволил Африкан Ильич перед выходом в лес не малый стаканчик выкушать...

Это окончательно обозлило трезвенника и молчуна Киршу:

— Старый ты леший! Выпил бы после охоты, а то вишь тебя и ноги по лесу не несут, и глаза не видят! Какой ты теперь охотник? Только лес поганишь!

Африкан, не торопясь, повесил на сучки своё ружьё и котомку, усялся поближе к огню и только тогда заллился радостным смехом:

— Друзья! Да ведь с радости выпил! Племянник из армии вернулся, Иван Павлович. Орденов на нём, медалей!..

— Иван Павлович? — обрадовался Кирша. — Это хорошо! Значит из самого Берлина? Ну, теперь нашей компании прибавка.

— И я то же говорю. А хмель у меня через час выдует. Не первый раз! — И Африкан опять расхохотался.

— Чего тебя разбирает? — вновь нахмурился Кирша.

— Ой, Мосеч! Да ведь и Тимофей Семёныч вернулся! И у него я стаканчик на встрече заложил.

— Это тоже хорошо! Значит, и второй охотник дома теперь. Держись теперь, зверь и птица!

— Ой, ребяташки, не знаете вы, почему меня смех долит? Тимошке горе, а я помереть могу от смеха. Является он в деревню, ну, конечно, мамаша его в слёзы да причёты, Татьянушка от радости сама не своя ходит, ребяташки визжат, младший батьку не признаёт — ведь четыре года его не видел. Сейчас на стол вино и закуску, курицу казнили, соседушки собрались... Да! И вот выпили. Тут Тимофей спрашивает Татьяну:

«Покажи-ка, Татьяна, моё ружьё, соскучился я по верному другу...».

Сейчас Татьяна в чулан и волокёт ружьё, осторожно этак, словно оно из раскалённого железа сделано. Глянули мы на ружьё и ахнули — обожжавело, что навозные вилы. Тимофей побился-побился, у ружья стволы едва откинул, заглянул в нутро и с лица сменился:

«Татьяна, да что такое с ружьём?»

«Да я, Тимошенька, как тебя в солдаты взяли, думаю, как бы ружьё само не выпалило. Взяла да и налила в него две кружки воды, порох-то воды боится».

— Ну? — спросил, улыбнувшись, Кирша.

— Что «ну»? Тимофей шуму не устроил, не такой момент, а тяпнул с горя стакан вина и нас к тому пригласил. А ружьё в окно выкинул...

— Да, жаль Тимоху, — задумчиво сказал Кирша. — Славное у него ружьё было.

— Ружьё — пустяк, — серьёзно сказал Африкан. — То приятно, что много у нас хороших людей, вот что ладно! Вот поэтому я и четвёртый стакан сегодня опрокинул и солёным огурчиком закусил, да Григорьевой Маремьяне поклонился...

— А она при чём? Ведь Григорий у неё погиб на фронте...

— Ах, Кирша, Кирша! Да ты ведь знаешь, как она себя за войну показала? Помнишь, в сорок втором году вбюга на неделю закурила? Вот как раз тогда и забежали в нашу деревню четыре автомашины с ранеными. И ни туда и ни сюда! Деревню до крыши занесло. Путь нет. Хорошо, что раненые не тяжёлые были. Доктор при них есть и сёстры, а провианту не густо. А велика ли наша деревня — десять дворов. И покормить ребяток хочется, а средств мало. Ну, молска, картошки нашлось прилично; рыбки малость старики с озера приволокли, а доктор об одном мечтает:

«Мясного супцу раненым надо».

— Сами знаем — надо. И машинам до госпиталя не пробиться.

Собрались мы колхозом, решили коровушку одну прирезать. Военное время, сами знаем. Вот тут Маремьяна и говорит:

«Колхозники, один денёк резать корову погодите. А вот схожу я в лес, споровою какой ни на есть дичины. И корова цела будет, а главное будет большим питанием».

Мы сначала поусомнились, а потом, что же: Маремьяна к ружью привычна, не раз с Григорьем полевовничала. Конечно, мне бы надо, коренному охотнику, об этом деле догадаться, да я пластом лежал тогда, ноги свело.

— Ладно! Берёт Маремьяна ружьё, сухариков и в лес. На другой день в полудни является.

«Бабы, кои на лыжах ходить могут, ребятишки, старики, пойдёмте-ка за мной на Горелый остров. Там у меня лось матерущий убит, пудов на двадцать с лишним. Шкуру я с него сняла, мясо разделила. Надо вынести его теперь».

Подкормили мы солдатушек, а тут и вьюга поунылась. Из штаба за ранеными гонца прислали, из других деревень народ набежал, дорогу пробили, и машины ушли. Доктор Маремьяне часы дарил свои ручные — не взяла.

«Если есть, — говорит, — у вас компас хороший, то возьму. Я ведь не из-за корысти в лес пошла. А компас мне в лесу нужен. Есть у меня да больно старенький, дедовский ещё».

Ну, компас мигом нашёлся, хороший компас, стрелки ночью светятся. Поднёс доктор Маремьяне компас, расцеловался с ней и уехал.

— Это я всё знаю, — сказал Кириша, начиная обустраиваться и поглядывая на начинающее светлеть небо.— Это мы всё знаем, повторил он. А почему ты за неё пил сегодня, за Маремьяну?

— А то, брат, что у нас на деревне сегодня три праздника. Два солдата с фронта возвратились — два праздника, а третий праздник — приехали из района начальники, Маремьяне почётную грамоту привезли. При всём народе ей выдали. Крепка Маремьяна, а прослезилась. Мы «ура» кричали, и, конечно, тут Африкану ещё стаканчик достался.

— Ну, теперь понятно. Мы в лес пойдём, а ты тут спать укладывайся.

— Кто? Я? Да у меня уж и хмель прошёл...

Действительно, был теперь Африкан, как и полагается, благообразен и трезв. Крепкий старик.

— Зря хвастаешь, Кириша, что всё знаешь. А вот слушай: кроме того, привезли эти начальники Маремьяне Игнатьевне в подарок х-о-о-рошего бескурковое ру-

жьё, шестнадцатого калибра, и пороху, и дроби, и пулю, и патронов.

— Вот это подарок! — ахнул Кирша.

— Приняла Маремьяна подарок, ещё пуле разрумянилась, ну прямо солнышко. Потом и говорит:

«Ой, спасибо советской власти и товарищу Сталину. Моё-то простое в большое возвели... И за грамоту спасибо, и за ружьё...».

А потом подумала и говорит:

«Вернулся у нас с фронта Тимофей Семёнович, охотничек, моего-то Григорья Николаевича дружок и ровесник. Да лишился Тимофей своего ружья. А у меня теперь два ружья. Так пусть он себе Григорьево возьмёт, не расстраивается...».

— Вот тут ты, наверное, ещё стакан выпил? — спросил Кирша.

— Тут-то я и выпил ещё стакашек за наших женщин, а особенно за Маремьяну Игнатьевну, за её золотое сердце, — подтвердил Африкан, вставая. — А пора, братчики, зорька занялась!

Егор Бесстрашный

— Африкан, которого ты за свою жизнь медведя убил?

— А ты что — бухгалтер, что ли? Ну, коли знать любопытно, — двадцать седьмого.

— Всех на овсах подкараулил или и на берлоге брал?

— Всяко приходилось. А ты вот не про меня послушай, а про Егора Бесстрашного. Вот охотник был, не нам с тобой чета! Прихожу я раз в егорову деревню, со стариками на завалинке о том, о чём калякаю. Вот гонят с поля стадо. Все коровы как коровы, а одна — бочка бочкой, гора, а не корова...

— При чём тут корова?

— Слушай дальше, а то говорить не буду. Я на эту корову подивился, у стариков спрашиваю: — Чья?

— Егора Бесстрашного.

— Ладно! Вот идёт какая-то женщина к амбарушке и выносит оттуда три пиджака старых ватных, три штаны такие же, валенки, шапку зимнюю да тулуп. Я и

этим добром интересуюсь, чьё-спрашиваю? Мне старики в один голос:

— Егора Бесстрашного.

Интересно! Дальше сидим. Вот женщина эта барахло на верёвочке развесила, стала бурого мерина в телегу запрягать, торбу ему с овсом повесила и ставит на телегу два короба с репой. Я опять любопытничаю:

— Куда же это справляются?

— Егора Бесстрашного на охоту отправляют. В ночь он сегодня поедет медведя на овсяной ниве караулить.

Моё дело охотничье, за живое забрало. спрашиваю, где Егор живёт, как мне с ним знакомство завести? Показывают мне домишко его. Вошёл я в дом, Егора спрашиваю. Мужичончко на печи сидит, покуривает.

— Я Егор! А вам чего надобно?

— Так и так, я Африкан-полесовщик. Желательно мне узнать, как вы медведей на овсах караулите?

Егор приосанился, кашлянул, руку в бок:

— Поучить могу. Перво-наперво узнаю, на какую ниву медведь ходит овёс есть...

— Понятно!

— Потом я лабаз рублю, да не ниже трёх сажен от земли...

— И это понятно!

— Вечера дожидаясь, на охоту собираюсь. Везёт меня жена до места на телеге, и перед тем, как на лабаз сесть, надеваю я на себя три пиджака ватных, да трое штанов таких же, да тулуп. И сидеть тепло, и коли медведю под лапу попадусь—нескоро его когти до моего белого тела доберутся.

— Правильно!

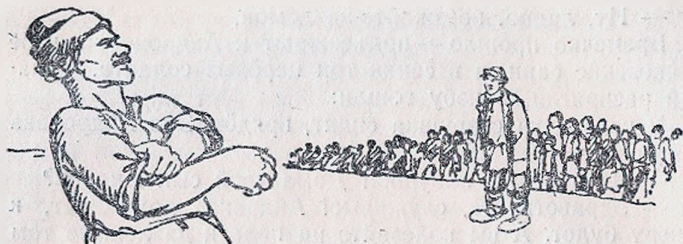
— Ну, ружьё беру, топор, рогатину. А кроме того два кузова репы с собой ставлю. И сидеть не скучно, и приятно, — репку грызёшь, и спать неохота. Кожуру, конечно, вниз под лабаз кидаю.

— Ясно, что под лабаз, а то на лабазе и сидеть негде будет.

— Нет, не потому. Лабаз у меня шире избы. А потому, что утром жена за мной приедет и все репные очистки заберёт да корове скормит. Корму этого на три дня корове хватит. Видел зато, какая у меня коровушка?

— Видал, видал. А скажи, брат Егор, сколько ж ты медведей на своём веку убил и матёрых ли?

— А ни одного, брат Африкан, ни одного!

Андрон Сукозерский

В нашей деревне Сукозеро в старинные времена жил-проживал Андрон-богатырь, простой мужик. Крестьянское дело известное, — землю пахал, рыбу ловил, зверя разного бил, дровни да сани вязал. А столь силен был, что дружку своему, тоже богатырю, Алёше топор, когда понадобится, за три версты через озеро перекидывал.

И, вот, поехали как-то зимой мужики-белозёры с рыбой снетком да судаком в Москву торговать. Рыбу продали, глядят — куда-то народ бежит.

— Куда торопитесь?

— А приказал царь на площади разным богатырям бороться, вот и бежим смотреть, кто кого оборет.

Ну и белозёры, — куда народ, туда и они.

Вот стали богатыри бороться, один другого оземь бить.

А белозёры стоят, меж собой переговариваются:

— Вот бы сюда Андрона Сукозерского, он бы всех пылью сделал!

Услыхал это один солдат, белозёров расспросил, кто они да откуда, и царю доложил. Царь мужиков позвал и говорит:

— Кто ж такой Андрон Сукозерский, и почему я об нём ничего не знаю?

— А это наш мужичок сукозерский. Столь силен — сказать нельзя.

— Ну, ладно, поезжайте-ка домой.

Времечко прошло — подъезжают к Андроновой избе московские сани, а в санях три царёвых солдата. Лошадей распрягли, в избу вошли:

В избе одна старушка сидит, прядёт. Это Андронова матушка.

— Здравствуй, бабушка! Дома твой сын Андрон?

— Здравствуйте, служивые! Андрона дома нет, к вечеру будет. А вы полезайте на полаты да лежите там смиреннько, а то Андрон из лесу придёт голодный, сердитый, пока не поест — чужих не любит.

Лежат солдаты на полатах и час и два. Вдруг вся изба дрогнула, потолочины подскочили, половичины скособочились.

Солдаты спрашивают:

— Что это, бабушка?

— Лежите смирно! То Андрон из лесу пришёл, на себе на десять пар дровней вяза да полозья принёс, у избы бросил.

Входит Андрон в избу. Топор под лавку бросил, распоясался.

— Матушка, давай обедать!

— Садись, сынушка!

Ставит бабушка на стол ведро осиновое долблёное с ключевой водой, кладёт хлеба каравай с тележное колесо и приносит короб мху белого болотного.

Андрон руки моет, за стол садится. Ломает хлеб кусками, обёртывает кусок мхом, в рот кладёт, водой запивает. (Оно, вишь ты, неродима тогда наша земля была, малохлебна).

Всё поел, попил, матушку спрашивает:

— А кто у нас чужие в дому? Видел я на дворе московские сани с ковром.

— Это, сынок, к тебе московские солдаты от царя приехали.

— Где же они?

— На полатах лежат.

— Ну, пускай слезут, поговорим, чего царю от меня надобно.

Солдаты слезли, говорят:

— Нас царь за тобой прислал, велено тебе в Москву ехать с другими богатырями перед царём бороться.

— А ежели не поеду?

— Велено тебя силой привезти.

— Ну, силой не возьмёте, только добром.

Тут Андронова матушка говорит:

— Поезжай, сынок, в Москву. Как оборешь всех богатей, станет тебя царь за то награждать, проси ты у него, чтобы нашим сукозерским мужикам можно было подсеки жечь, рыбу ловить, зверя в лесу бить безданно, бесплошлинно.

— То ладно, поеду. Давайте спать ложиться.

Утром солдаты лошадей запрягли, Андрону садиться велят.

— Нет, на лошадях я не поеду, а на лыжах в Москву побегу и вперёд вас там буду. Надо мне по лесу все ловушки снять, чтобы звери зря в них не попали.

Встал на лыжи — только и видели.

Приехали солдаты в Москву — Андрон уже там. Он сразу к царю пришёл, про себя рассказал. Велел царь ему по Москве погулять, пока все богатыри соберутся, и приказал во всех кабаках Андрона бесплатно поить-кормить.

Ну, вот — время пришло, собрались все богатыри бороться. И царь тут на золотом стуле сидит. Все князья-бояре собрались, а простого народу и счёту нет.

Всех Андрон переборол, перекидал. А под конец один богатырь хитрый попал, вздумал Андрона подножкой свалить. Ударил Андрона по ноге, у того и юбора на лапте лопнула. Устоял Андрон, рассердился. Поднял богатыря на воздух, хлопнул его о землю — тут богатырю и смерть пришла.

Царь говорит:

— Пошто ты богатыря моего насмерть убил?

— А пусть обманом не борется.

— Ну, молодец Андрон! Всех ты поборол. Чем же тебя наградить?

— Дай ещё три дня в Москве погулять, потом скажу.

— Гуляй бесплатно, ходи, где хочешь.

Андрон день гуляет и два гуляет. И потерял Андрон свою шапку. Пошёл к царю жаловаться, что шапку потерял, не в чем домой идти.

Послал царь сто солдат Андрону шапку искать. Идут солдаты по улице, видят — четыре мужика на жерди что-то вроде вороньего гнезда несут.

Чего, мужики, несёте?

2. Полесники у кстра

118357
6670-2-448

Вологодская областная библиотека

Музей культуры
Имя № 1008

— А вот нашли, не знаем — чья.

— Это Андрона богатыря. Несите её во дворец.

Андрон шапке рад. С той поры и пошла у нас по Сукозерью пословица:

«Андропова шапка и в Москве не потеряется».

Ну, вот, царь с Андроном побеседовал. Андрон и говорит:

— Мне в награду ничего не надо, а вели ты, чтобы наши сукозерские мужики безданно-беспошлинно подсеки жгли, рыбу ловили да зверей в лесу били.

— Пусть по-твоему будет. Иди домой, а в кои времена ты понадобишься — сказано будет.

Пошёл Андрон домой в Сукозеро.

Вот опять время прошло, и стало трудно: пришли на Россию паны, стали сёла, деревни жечь-палить, народ грабить-убивать.

Одно войско и до Сукозера дошло да на Андрона наткнулось. Всех он их насмерть побил, уложил. Один только пан за куст схоронился, уцелел, убежал, про Андрона своим рассказал. Стали паны большой силой собираться.

Выждали, когда Андрон в лесу был, и опять на деревню набежали. Народушка завопил, а нет Андрона-заступника. Ударили в колоколо. Андрон услышал.

— Эка беда, эка горе! Вот когда я понадобился народу!

Прибежал в деревню, начал панов покидывать, насмерть бить. Да собралась панов туча чёрная, троих убьёт — пятеро набегают. Видит Андрон — помога нужна.

Крикнул Андрон дружка своего Алёшу с того берега. Алёша услышал, заторопился. Туда-сюда — нет его вересовой дубинки, пяти вершков в отрезе, с двумя проушинами. Алёша мельницу за крыло придержал, жёрнов с оси снял, на капат его повесил, на шею перекинул, озеро переплыл и давай Андрону помогать. А тут попался Андрону один пан в железной рубахе. Бьёт его Андрон ножом — не пробить рубахи. Алёша ему кричит:

— Бей пана промеж ног, там рубахи нет!

Ударил Андрон пана ножом промеж ног, разорвал его надвое.

Ещё время прошло, и опять паны пришли. Охота им Андрона убить. Пошла опять война. А паны догадливые, кричат:

— Стреляйте Андрону в рот, чтобы Алёшу не позвал!

Выпалили в Андрона — не попали, успел Андрон Алёшу крикнуть. Услыхал его Алёша.

Выпалили в Андрона второй раз — не попали. А Алёша уже здесь — своей дубиночкой помахивает. Выпалили в Андрона в третий раз, пал Андрон, кровью облился и помер.

Заплакал Алёша о дружке. Всех панов побил, ни одного живым не оставил.

А потом Андрона на горе похоронили — у могилы, Алёша свою дубиночку в землю вместо креста воткнул. И выросла из этой дубиночки не малая вересинка. И сейчас вон там за деревней Андронина могила есть, и над ней верес растёт.

Пирог на всех

— Поешь, поешь рыбничка с сомятиной. Ишь сколь жирён, вся корка салом прокипела... На доброе здоровье. Это сом не простой — баенник. А добыл я его не сетью, не удочкой, не наживкой, руками взял.

— Велик ли был?

— Без малого сорок килограммов. Сегодня у всех соседей рыбники с сомятиной. Да ты ешь, не стесняйся...

Африкан — в новой розовой рубахе, румян больше обыкновенного, разговорчив, видно, что перед рыбником успел домашнего пива хлебнуть. Садится против меня, рассказывает:

— Видишь, как нашу деревню весенней полдой водой обливает? Живём, как на островке, в другие деревни на лодке только и доберёшься. Сеновалы да бани мы перед водопоёмом к столбам вяжем, чтобы их водой не унесло. Бывало этак-то. Да ты слушай и ешь...

— Ну вот, четыре дня прошло, как вода на убыль покатилась. Анна, Игната Морозова жёнка, пошла свою баню посмотреть: коли вода с полу скатилась, так и истопить надо, помыться.

— Пошла в баню, а оттуда чуть не на четвереньках с перепугу ползёт и голос потеряла, едва выговаривает:

— Ой, родные мои, беда! Чудо в бане — водяник в ней поселился. Преогромный, чёрный, чуть меня не съел. Я на всякий случай ружьё и топор прихватил. В водяников не верю, думаю, может зверь какой там прихоронился. Дверь в баню открыл, темно там, воды ещё чуть не по колено. И верно — кто-то в воде этой тяжело так ворочается, плещет.

Чиркнул я спичку, вижу — рыба чуть не с меня. Сом! Ну, тут я ему топором по лбу. Наслу из бани выволок.

Анна рыбину увидала, возрадовалась, и страх прошёл. Зажадничала.

— Ой, теперь мне сомятины надолго хватит. Спасибо, Африкан Ильич, за работу. Ужо приходи, я тебе на рыбник кусочек отрежу.

Мне это не понравилось:

— Экая ты, Анна, неумная да завистливая. Была бы рыба твоя, кабы ты её сама и добыла, своим трудом. Не будет по-твоему.

Достал нож, разрезал сома на куски, всем деревенским по хорошему куску досталось. И Анне кусок.

Та было и губы поджала:

— Мой сом!

— Был твой, стал наш. Колхозом живём, по-колхозному и поделимся.

Проклятая дорога

Дорогу видишь? Она, как просека, по лесу легла и заросла совсем мало. А куда, думаешь, эта дорога была проложена? Не знаешь? Из Лушинской усадьбы прямо к Соснинке, на большую дорогу. Понятно?

Да ведь это не так давно и было, ещё при моём дедушке Алексее. Он сам на этой дороге работал. Тогда в Лушине богатый барин жил, одинокий. Кругом ему вёрст на сорок все сёла и деревни принадлежали. Злой был барин, дурной. Ну, пока то да сё— всё ещё терпел народ. А тут повадился барин в Соснинку к другому барину ездить, в карты играть. Что ни день — пылит по деревням баринова тройка, народ за углы прячется.

Вот и показалось нашему барину в Соснинку далеко ездить. Оно и верно — Поперечное болото объезжать надо, через Тимошиху. Значит от Лушина до Зайцева по-понешнему километров двадцать будет. И решил этот барин новую дорогу для своей забавы проложить — путь вдвое короче будет.

Время-то самая уборка, хлеб сыплется. А барин велит старостам со всех деревень народ с лопатами и топорами гнать, чтобы работали и день, и ночь, а была бы дорога через месяц готова. Мужики и плачут да работают. А барин каждый день на работу заезжает, кого кулаком, кого плёткой...

Вот раз ночью приходят старики к Ивану-охотнику. Одинокий старичок был, охотой да рыбой кормился. Приходят к Ивану и говорят ему с поклоном:

— Выручи, вольный охотничек! Возьми грех на душу, убери барина, дай народу облегчение. Твой грех народ простит!

Долго Иван думал, вздыхал. Потом говорит:

— Человека убить — не зверя. Но барин наш хуже лютого волка. Пусть по-вашему будет.

Сделал Иван, как народ просил. Подстерёг, когда барин на дорогу на новую ехал, пустил ему свинцовый шарик под чёрное сердце.

Полиция искала, искала Ивана да так и бросила. Да разве поймаешь его?

Говорили потом, что в сибирские леса он подался, там господ не было...

А дорогу строить бросили.

Птичка-неспокойка

Вчера Африкан убил медведя-овсяника. Развесив его шкуру на стене своей избы для просушки, Африкан всем соседям по куску медвежатины принёс. Достался хороший кус и мне.

Стал Африкан о вчерашнем своём сиденье на лабазе рассказывать и упомянул о птичке-неспокойке. Она, мол, вечером запела, затревожилась, дала всему лесу весть, что идёт медведь.

— Что-то не приходилось мне о такой птичке слышать, — говорю я Африкану.

— Это потому, что не приходилось тебе медведей на овсах бывать.

— Что же это за птичка? Какая она собой?

— Серенькая, небольшая. Она медведя очень не любит, с давних пор. Видишь ли, медведи и простоваты и вороваты... А дело так было. Шёл медведь по лесу, питался, где корешок выкопает, где ягод пососёт, где муравейник разворотит... К кустарнику подошёл, а за кустарником — малина, медвежья услада. Медведь прямоком через кусты ломит. Тут птичка эта самая появляется, вьётся, чирикает:

— Медведь, медведь, не ходи ты через кусты, не сомни моё гнездышко, в нём мои птенчики малые...

— Велика важность твои птенчики, мне маляна нужна.

— Ой, медведь, обойди кусты!

— Отстань! — и лапой на неё замахнулся. Наступил на гнёздышко, всё в землю вмял.

Села птичка на веточку, заплакала.

— Ну, медведь, я тебе этого не забуду!

С той поры, ежели медведь лесом бредёт, за ним обязательно эта птичка увязывается, летит, чирикает.

Медведь злится, крихтит, торопится от птички уйти. Да не уйдёшь — одна устанет, другой свою службу передаст. Весь лесной мир о том узнает, что медведь идёт.

Вот и осень — сидишь на лабазе. Тишина вечерняя... И вдруг слышишь — беспокойка закричала. Значит всё в порядке, поднимай курок, сейчас на овёс Мишка выкатится. Ну, тут сам не промахивайся.

Заяц-охотник

Кто только за зайцем не охотится! И человек, и собаки, и лисица, и ястреба, и волк на него зуб имеет. Да что там! Ворона и та молодых зайчат ловит. Беда зайцу! Куда денешься? Вот и спит он, глаз не закрывая, чтобы не прозевать врага. И уши у него длинные, чтобы лучше слышать...

Один заяц очень о судьбе своего заячьего народа разгоревался. Думал-думал — придумал.

— Оттого все на нас охотятся, что очень мы смиренные звери, сами всех боимся — силы у нас мало. А почему? Да потому, что мы только одну траву едим да осиновою корой пробавляемся. Нет, надо либо на мясное, либо на рыбное нажимать. Вот тогда я с медведя вырасту, и все меня бояться будут. Пойду сегодня на охоту.

Ружья у зайца нет. Подобрал он дубину покрепче и заковылял по лесу, добычу искать. Долго ходил, долго выматривал и вот заметил на осине глухаря.

— Вот дичь, так дичь! Мне на неделю хватит. А как же я его добуду?

Попробовал камнем в глухаря бросить — не долетел камень и до половины дерева. Попробовал дубиной в птицу ткнуть — коротка. Совсем расстроился заяц. Сел на кочку, задумался.

— Видно без хитрости не обойтись. Ну, да мы, зайцы, догадливые. Посижу, что-нибудь придумаю.

Придумал. Давай по лесу сухие палки, прутья, валежник собирать, под осиной складывать. Растёт у зайца куча все выше, выше.

— Вот, — думает заяц, — наложу я кучу до самого глухаря, заберусь на неё и — цоп дичину за лапы!

Носил-носил, таскал-таскал. Большая куча стала. Ну ещё бы маленько — и бери глухаря.

Принёс заяц ещё две палки, полез наверх. А глухарю сидеть надоело, он возьми да и улетит.

Почесал заяц за ухом, сплюнул, а потом и говорит:

— Чего уж там! Не больно мне мясного и хотелось.

Африкановы заботы

Всю ночь шумел докучный осенний дождь, глухо ворчали мутные волны огромного озера. Утро пришло хмурое, туманное, словно большое. Избы рыбацкого села потемнели, дым из труб стлался по земле — быть долгому несчастью. Но, чуть дождь приутих, на озере закачались паруса — рыбаки вышли на лов.

В моих сенях заворчала собака и сейчас же ласково взвизгнула. Шёл кто-то свой. Это был Африкан.

— Ах, погодка добрая, — не здороваясь крикнул он мне с порога: — Красота-охота будет с гончими в лесу.

Я пожал его мокрую руку. Африкан только что вернулся с озера, и крепко пахло от старика рыбной свежестью, смолой.

— Вот твоей хозяйке леща принёс, — хлопнул он на стол большую золотистую рыбку. — Не скучаешь? Охотнику да рыбаку всякая погода на радость, — не за тем, так за другим выходить можно. Чем занят?

— Читаю.

— Ночью при лампе читаешься. Дай-ка на трубочку да обувайся, я тебе интересное покажу. Человек ты у нас новый, многого не видал. Пойдём.

— Далекко?

— Охотник да рыбак про то не спрашивают.

Мы вышли на берег озера. Ветер стихал, но волна стала больше, тяжелее. С грохотом била она в прибрежные валуны, и белые столбы брызг вскипали то там, то здесь.

— Давай-ка сюда. Видишь? — И Африкан показал мне на низенький ручеёк в песке. Был этот ручеёк в полметра шириной, а глубиной, ну, наверное, сантиметров пять.

— Что такое?

— Смотри. — Африкан присел на корточки, разглядывая что-то в ручейке. Присел и я.

— Видишь? Малёк-сеголетка в озеро уходит.

Действительно, по всей капавке сплошным ковром сверкали крохотные рыбёшки, уносимые течением. Это были, как назвал их Африкан, «сеголетки» — языки, плотички, ельцы, только нынешней весной вышедшие из икры.

Ручеёк местами был мелок даже для этой рыбешки. Выброшенные струёй на песок, мальки судорожно бились, пока их не смывала другая струя. И вся эта рыба мелочь стремилась в озеро...

— Ну, теперь понял?

— Пока ещё мало.

И Африкан рассказывает мне.

Берега нашего озера плоски, низменны, речки, впадающие в него, медлительны и шумят только весной, вынося из лесов снеговые воды. Именно в эти дни большими стаями, «ятвами», заходят в речки язи, сорога и другая рыба метать икру — нереститься. Весело тогда на речке, особенно по зорям. Кто видал рыбы нересты, знает, как кипит вода от всплесков крупной рыбы, качаются, шуршат верхушки осоки, хвощей, наполовину затопленные вешней водой. Выметав икру, рыба уходит обратно в озеро до следующей весны, а речка шумит всё тише и тише, потом и совсем стихает, — скатились, сбегали снеговые воды. При первых же ветрах с озера забьёт песком речное устье, и станет речка не речкой, а длинной цепью омутов и ям. Привольно и сытно живётся рыбьей молодежи в их стоячей, прогретой солнцем

воде. Корма сколько угодно, бури не тревожат омугов, и почти нет в них зубастых щук, окуней-разбойников.

Осенью многодневные дожди наливают речку всклянь, до края, прибывая вода промывает из речки к озеру сначала узкий ручеёк, а потом и широкий проток. И выросшие, окрепшие за лето мальки уходят в озеро по этому ручейку. Там, в озере, они и проведут свою остальную жизнь, только по веснам заходя в свою колыбель, в речки, чтобы, по примеру своих предков, справить весенний праздник — нерест.

— Ишь идут-то как! — восторгался Африкан. — И ни одна рыбёшка обратно не повернёт. Знают, видно, что в нашей речке зимой вода худая, тухлая.

Он вылавливает одного малька и бросает его обратно в ручеёк, головою навстречу течению. Но рыбка сейчас же поворачивается туда, куда плывут тысячи её братьев и сестёр, и сразу же теряется в непрерывном потоке серебристых юрких созданий.

— Ну, пойдём домой, — говорит Африкан. — Насмотрелись. А то старуха моя рыбы ждёт, а я с тобой прогуливаюсь.

Я опять сажусь за свою работу. За окном, на берегу, рыбачьи амбары на сваях, и у одного из них Африкан в своей лодке. Он «патрует» сети — вынимает из них рыбу и привычным жестом бросает её в корзину. У лодки Анна Африканиха, рослая, молчаливая старуха, ждёт, когда старик закончит своё дело. Африкан никому не доверяет патровать свои сети.

Но вот происходит что-то странное. Африкан, посмотрев на озеро, бросает сети, вылезает из лодки и, подняв с земли какой-то прут, торопливо идёт к устью речки. Африканиха, махнув рукой, забирает корзину с рыбой и уходит домой.

Иду и я за Африканом. Он у протоки, по которой уходила рыба молодь. Но теперь протока перегорожена маленькой песчаной плотиной. А перед Африканом стоят три паренька со смущёнными лицами. Удрать от Африкана они и не пытаются, — он знает, чьи это ребята, да и прут — грозное оружие — у него в руке.

— Ай-ай-ай! Хороших родителей детки, а на какую пакость пошли! — бранит их Африкан. — Что, вам настоящей рыбы в озере мало? Или уже очень этой захотелось? То-то у вас и котелок припасён, и хлеб, и ложки, Молодцы-рыбаки... Вредители вы!

Ударом сапога Африкан разрушает песчаную плотину «вредителей». Рыбёшка, кружившаяся у песчаной преграды, вместе с потоком мутной воды уносится в озеро. Ручеёк опять начинает напевать свою журчащую песню, и вновь в нём сверкают рыбы мальки.

— Рыбаки... — с презрением говорит Африкан. — Не хотят того понять, что сейчас они этого малька на свою уху не одну тысячу подденут. А пусти эту рыбу в озеро — лет через пять сю полк солдат накормить можно.

Африкан поднимает с земли котелок, ложки и горбушку хлеба в тряпице.

— Спички у кого? — грозно спрашивает он.

Ребята мнутя.

— Спички у кого, я спрашиваю!

Один паренёк подает Африкану коробок. Коробок тотчас же летит в озеро.

— Свирипку, Свирипку! — кличет Африкан своего пса и отдаёт конфискованный хлеб.

— Пошли! — командует он ребятишкам.

Усевшись в свою лодку, Африкан спрашивает:

— Славка, твой отец сегодня с уловом?

— С уловом, — шепчет Славка.

— Он тебя не кормил?

— Нет, я обедал.

— А может мало? На-ко, возьми леща. Снеси отцу, чтобы тебе он ещё уху сварил, накормил бы тебя, голодного, особо.

— Дяденька, я больше не буду мальков ловить.

— Не будешь? Ладно. А вы, ребята, голодные?

— Нет, дяденька. Мы тоже не будем.

— Ну, берите котелок, ложки. Брысь отсюда!

Африкан весело смотрит вслед убегающим паренкам и говорит:

— Маленькую рыбку побережешь, большую поймалась!

Осиновый мыс

Чего удивляешься? Думаешь, мыс Осиновым называется, так на нём обязательно осины расти должны? Нет там осин, только ёлки в два объёма...

Осины на этом мысу, друг ты мой, росли там давненько, годов может триста тому назад. По тем осинам и мыс назвали. Памятное это место. Мужикам нашим оно помогло...

Это в ту пору было, когда паны на русскую землю приходили, сёла-деревни жгли, народ грабили, всяко безобразничали. Добрались и до нашего Залесья. На ладьях плыли по реке нашей Кеме к Каргополю, горю зорить.

Ну, туда проплыли, жди обратно. Народ в то время по лесам в землянках спасался. Собрались мужики разок на поляне, давай судить-рядить, что с панами делать, как их побить. Да что? Оружия настоящего нету, топоры да колья, только и всего, редко у кого фузея есть.

Ну, судили, рядили и додумались. У Осинового мыса река узкая, бойкая, по камням шумит, порог тут, тоже Осиновым прозывается...

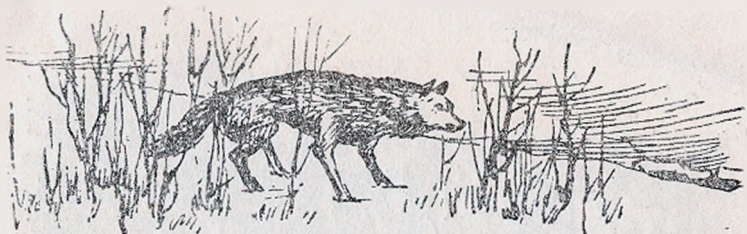
Вышли мужики на этот мыс и давай осины рубить да так, чтобы с корня сами не валились, а только ежели толкнуть легонько. А чтобы ветром подрубленные деревья не свалило, их верёвками лыковыми подвязали. Всё приготовили, караульных поставили, а сами опять в лес.

Неделя-другая прошла, пал слух — едут паны по Кеме с добычей. Мужики тихим манером все на мыс, в кустах затаились, топоры приготовили. И только ладья по порогам понесло — начали мужики лычаные верёвки рубить, осины в реку поталкивать. Которая по ладье — ладья пополам, которая в реку — ладью струёй через осину перекидывает.

Ни один пан живой не ушёл. Иной потонул, другого о камни насмерть в порогах побил, а ежели который на берег выполз — топором по голове и обратно в воду.

Так-то оно, дружок, в старые года было. Простой народ не ждал воевод, сам со своей бедой справлялся!

Звериный сад

Сначала по нашим местам ничего не росло, кроме травы. Да нашёл заяц на горке какую-то сумочку, а в ней разные семена.

Собрались на эту горку звери да птицы, толкуют, что это за семена, да что с ними сделать. Тут прилетает Ворон, мудрая птица.

— Я,—говорит,—знаю, что это за семена. По другим землям, за морем, из таких семян леса растут. Много выше травы, а хорошо в них — и укрыться можно, и зимой не холодно...

Начали звери из сумочки семена разбирать. Ворон на камне сидит. Учит зверей да птиц, как семена растить надо.

Каждый себе семечко по нраву взял. Лось — осину, рябчик с дроздом из-за рябины чуть не подрались. Соловей — иву-райду, было бы где ему петь. Белка ёлкой заинтересовалась. Каждому своё нашлось.

И волк себе какое-то семечко взял. Да ленив он оказался. Все-то свои семечки растят, холят, водой поливают, от мороза и солнца до поры сберегают. А волк прибежит иной раз, спрашивает:

— Моё-то растёт?

— Растёт, да плохо.

— Ну, я ему помогу!

И начнёт росток кверху своими зубищами потягивать, чтобы скорее он рос.

Вот и поднялся звериный сад, а по-нашему — лес. Все-то ему рады, кто поёт, кто свищет, а белка семечки грызёт.

Вот и волк прибежал:

— А где моё дерево?

Видит — вытянулся из земле прутик какой-то, серый, некрасивый. Обозлился волк. Решил этот прутик из земли совсем выдернуть. Да как ни бился — ничего не смог поделывать. Не рвётся прутик, не ломается. Волк зубы свои до крови расшатал, а толку не вышло.

Говорит волк:

— Ну, и не надо мне никакого дерева! Я в полях проживу...

С тем и ушёл.

Вот почему волк большого леса не любит, всё около полей в кустах проживает.

А это деревцо ты знаешь. Да и не деревцо это — кустик. Его ни обломать, ни оборвать. И цветёт оно раньше всех весной, красными такими цветочками, — это волчья кровь. И ягодки кучкой растут, тоже красные. А листики на кустике этом после цветов появляются.

Худое это растение, ядовитое. Его волчьим лыком зовут...

На смертном гону

На Африкана тихий стих нашёл. Весь вечер у костра просидел, дымил трубкой да головки переворачивал. Спросил я его:

— Чего это ты, Африкан Ильич, замолчал, о чём задумался?

— А так чего-то. Вспомнились молодые годы, отец покойный Илья Петрович.

Мы опять помолчали. Потом Африкан начал медленно, словно нехотя:

— Семья у нас была — восемь душ ребятишек, да бабушка с дедушкой, да ещё отцов брат Михаил глухонемой. Всех кормить-поить надо. Да. Трудненько жили. Мне тогда, старшему, четырнадцатый год шёл. Но — помню всё хорошо, как хлеб с сосновой корой или со мхом ели.

Один год подошёл—ну ложись и помирай. Снега были большие, лето дождливое. Озимы на корню вымокли, яровое не уродилось. Да и всё к разу—ни грибов, ни ягод, и рыба в сети, в ловушки плохо шла. Не у нас одних такое горе, по всей деревне. Маленькая наша деревня тогда была, всего семь дворов.

Ну кое-как со слезами пробились до марта. Солнце припекло, наст хороший стал. Мы-то солнышку рады, а ноги едва ходят...

Приезжает в нашу деревню барин какой-то питерский. И прямо к моему отцу:

— Охотник?

— Охотник.

— Добудь мне лося матерого. Обязательно надо! Двадцать рублей дам. Понял?

— Как не понять! Добыть можно. А вы бы мне рублей пять под лося дали. Семья с голоду умирает, и у самого ноги не ходят. А за лосем идти—ноги нужны хорошие.

Барин отцу вина подиёс не простого.

— Вот вышей! А денег вперёд не дам! У меня натура такая. Будет лось—будут и деньги.

Что поделаешь? Пришёл отец домой, лыжи справил, в котомочку два последних сухарика положил, топор, нож—и в лес...

Знаешь ведь, как лосей по насту заганивали? Нехорошая это охота, да ведь голод не свой брат. Найдёт охотник свежий лосиный след и по нему. Человека по насту да на лыжах что ветром несёт, а лось—зверь тяжёлый, копыта острые, наст его не держит, вязнет лось по брюхо, силу теряет, ноги в кровь обдирает. Бывает и сутки, и другие человек зверя гонит, пока тот не свалится. Тут его хоть режь, хоть топором бей...

Встал отец на след и погнался. День бежал—далеко от него лось уходил. Ночью отец с полчаса у огонька посидел, сухарик сгрыз, а потом опять в ход. К полудню лось ложиться начал, где полежит—кровяная лужа. Ну, скоро конец. А и отец едва ногами шевелит и не знает, куда зашёл, всё в глазах кружится, кажется—всё по одному и тому же месту бежит, в ушах звон... Ружье давно бросил, полушубок, шапку. Это потом подберётся, на обратном ходу. В одной рубахе бежит, потом всего облыло...

К ночи пал лось. Добрёл до него отец и вот рукой подать, а уж больше и сам шевельнуться не может. Так,

может, долго бы лежал, да рубаха мёрзнуть начала. Подошёл отец к лосю. Лежит зверь, голову по снегу протянул, дышет едва-едва, а глаза такие невесёлые. Нехорошо стало отцу. Да ведь голод... Взялся отец за нож, лосю поклонился: —

— Прости, меня, лесная скотинка! Не я тебя бью — нужда моя! Ты-то один помрёшь, а у меня тринадцать душ помирают...

— Режу лося, — отец-то потом рассказывал, — рука дрожит, у самого слёзы льются...

До утра отец у лося просидел. Утром слышит — ухнуло что-то по лесу, потом ещё раз да ещё. Отец возрадовался. Это лесорубы лес валят. Пошёл к ним.

Место знакомое оказалось, Шадринская дача от нашей деревни вёрст двадцать. Лось-то на бегу большой круг дал, на старое своё дворище выходил.

Спасибо добрым людям, накормили отца и с собой дали хлебушка.

На другой день лося отец в деревню доставил. Помалялся-таки, ведь целиком было у барина приказано зверя вывезти.

Поглядел барин на лося и ногами затопал:

— Да разве мне такого лося надо? Мне с большими рогами надо, мясо бы я на котлеты, шкуру вместо ковра в свой кабинет, а голову с рогами на стенку... Ах, дурак ты, полесовщина! Не надо мне твоего лося.

Берёт тогда мой отец барина за ворот, а в другую руку топор и тихонько так говорит:

— Барин ты, барин! Резал я лося — плакал, а тебя убить — обрадуюсь. Да знаешь ли ты, что я помирал, и семья моя погибает, а в лес пошёл безвинного зверя для твоей барской дури губить? Отдай, что договорено, и бери лося. А в деревню к нам больше не заезжай.

Барин затрясся, весь бумажник отцу моему суёт, только не губи. Отсчитал мой отец двадцать пять рублей, остальные барину подал:

— Я не грабитель. Лося возьми, мне он не надо. Да и глуп ты — не знаешь меры своей жадности...

Только мы барина и видели. Видно до Питера ехал да с перепугу крестился.

А на те деньги отец хлеба купил, сами ожили и соседям помогли.

Крестовый камень

Очень это удачно вышло—пятое августа на воскресенье пришлось. А накануне этого дня то там, то здесь замелькали по берегам нашего озера охотничьи костры. Будет завтра пальба, не один пуд дробы посеют охотнички, открывая сезон! Да чего там! По старому обычаю кое-кто не удержался, с вечера на жаркое добыл парочку жирных утят. Как же иначе? У охотничьего костра да без охотничьей закуски!

И я к своим удочкам ружьё прибавил с десятком патронов. Вечером натаскал жирных черноспинных окуней, наживки на щук поставил и устроился на ночлег на мысу у Гагарьего пролива, под соснами. А мыс этот охотники и рыбаки прозвали «Крестовый камень». Лежит там на самом видном месте грубо обтёсаный на четыре конца крест из серого песчаника. И лежит, видимо, немалое время, мхом порастать начал.

Придвинул я котелок с будущей ухой к огоньку и закурил, наслаждаясь отдыхом, рыбачьей волюшкой, одиночеством. Да, видимо, мой огонёк лучше других оказался. Зашуршали тростники, пропуская чёрный нос лодки-долблёнки, и подъехал Кирилл Моисеевич, которого и стар и млад Киршей зовут.

— Мир на стану!

— Просим милости! Садись к огню, места хватит.

— А на мою долю ухи найдётся?

Кирша — человек нестеснительный, прямодушный.

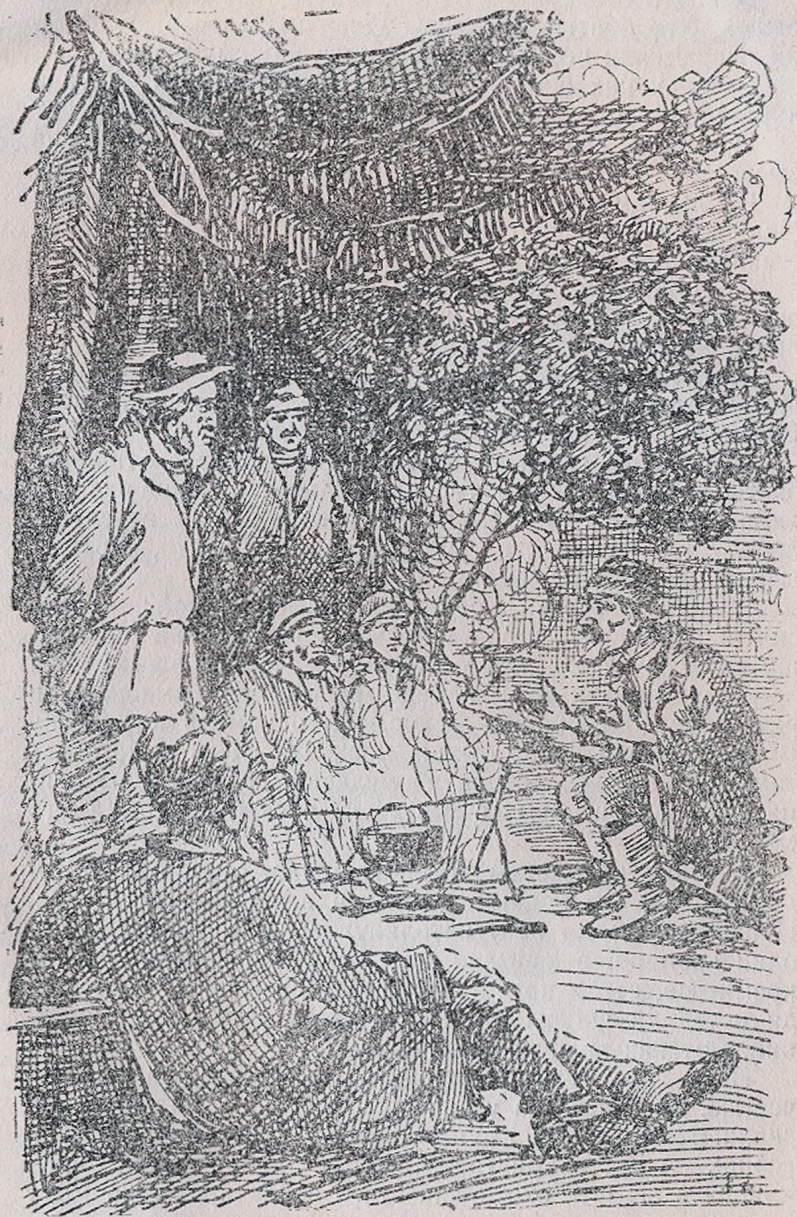
— Конечно, найдётся. Только вот второй ложки нет.

— Я свою прихватил. И бутылочка с вишнёвкой у меня есть. Чайку заварим.

Кирша — непьющий. Но для открытия сезона и он не в отказе охотничий пунш заварить. Кружка у него литровая, сахару в неё с полкило входит, а если туда ещё вишнёвочки подлить... Понимает Кирша толк в жизни.

Уселся Кирша на пенёк, утёнка ошипывать начал. Понятно—сезон открыт. Попробуем молодой утятинки раньше иных, с вечера.

Не успела уха вскипеть, Африкан Ильич подъехал со своим сватом — дедом Кукушкой. И им место нашлось у огонька. Съедобного у них прихвачено — пята-рым великанам не съесть. К тому же и фляжка с вином. И тоже утёнок на жаркое.

Давно с озера какое-то бульканье, хлопанье слышно было. Это братья Казаковы Илья и Федос рыбу ботали. Перемокли порядком и прямо к нашему огню.

Улов у них богатый — две корзины окуней, щук и карасей. Ну и караси — иные, прямо, по заслонке!

Пришлось новую уху заваривать. И рыбаки свой пай выставили — пол-литровки перцовой.

Последним на своём душегубе Василий Иванович Мельников неслышно подплыл, когда мы только что за стаканчики взялись.

— Принимайте-ка и меня в компанию, — сказал он, выставляя рыбишку и бутылку домашней моршковой наливки на широкий пень, что у нас за стол отвечал.

Выпили. С началом охоты друг друга поздравили. Помолчали, пока с ухой разделявались, — добрая уха. Ещё выпили — и в разговоры пустились.

— Каждый год я у этого камня накануне открытия охоты ночую, — сказал Африкан Ильич. — Иной раз бывало жутковато тут сидеть. А особого ничего не случилось. Да и то сказать — не простое это место, Крестовый камень на нём лежит...

— Да что это за Крестовый камень такой? — спросил я. — Человек я здесь новый, а уж не один раз слышу об этом камне. Кем он сделан, зачем он здесь?

— Про это я тебе, парень, расскажу, — вмешался в разговор рыжебородый Федос. — Это камень могильный. Вишь ты, дело какое было: наскочил здесь много лет тому назад один охотник на медведя. Ну, медведю конца дал, да и сам с места не сошёл, поломал его мишка.

Охотник не местный был, захожий, откуда-то с Индомана, ну, его родные может и искали да не нашли. Наши рыбаки на него патолкнулись. Уж от него только одни косточки в кафтане остались. Ружьё рядом лежит кремнёвое, ствол погнут, топорик ржавый... И от медведя кости да шкуры клочья... Ножом запорол его охотник. Вот как дело-то было.

Надо бы его похоронить — охотничка-то — честью, да поп тогда у нас ленивый был, Волнухой его звали. На то время язи нерестились, густо шли в поповы верши. А тут время тратить надо. Ну, поп и говорит: «Заройте вы его, охотничка этого неудачничка, на мысу и крест справьте, а я заочную панихиду по рабе божьем отпою, имя же его ты, господи, веси...».

Ну, вот, косточки его схоронили, а какой-то добрый человек камень вроде креста обтесал и на могилку положил...

— Нет, друг Федос, — заговорил Кирша. — Неправду ты рассказываешь. Совсем не могильный это камень. Межевой он, вот что.

— Могильный, я говорю.

— И не спорь! Говорю — камень это межевой. Тут он у русских князей положен, когда они землю промеж себя делили. Вот туда к западу — белозерского князя земли, а к востоку, должно быть, московского...

— Много ты, Кирша, знаешь, — рассердился Африкан, — да мало правды в твоих речах! Это наш брат мужик свою полосу колышками отмежевывал от соседней. А у князей межи по рекам шли да по приметным горкам...

— Ты меня послушай, — обратился Африкан ко мне. — Всю правду тебе расскажу... Не могильный это камень, не межевой, а поворотный...

— То есть как это — поворотный?

— Не перебивай! Сам собою, если совру. А я ещё в жизни своей в разговорах не сбивался. Слушай да помалкивай.

— Ты вот человек грамотный, знаешь, что сотни лет тому назад татары на Россию напали, жгли сёла и города, народ резали, грабили всё... Пошли татары и на наш Великий Новгород, да испугались наших лесов дремучих, болотин непроходимых. К тому же и сила у татар поубыла. Русский-то народ не сдавался, оборонялся крепко.

— Ну, вот, говорю, дошли татары до наших лесов дремучих и призадумались — идти ли дальше? Новгород в ту пору большим городом был, весь народ в нём вооружился против татар. Ну, и не посмели бритые головы к нам лезть, обратно повернули. И по другим лесным местам такие камни поставлены. Наш-то Крестовый камень тоже поворотный: значит и досюда татары доходили, да вспять повернули...

— Надо бы тебе, Африкан Ильич, на разговоре сбиться, — неторопливо заговорил Илья Казаков. — Неправду ты рассказал... Ведь не для этого камень здесь положен.

— Как неправду говорю? — взъерошил Африкан свою бороду.

— А вот так — неправду. Это, граждане, камень из церковного фундамента. Здесь на мысу церковь стояла. Её паны сожгли, когда на русскую землю приходили. Тут до панского разорения большое множество сёл и деревень стояло, бывало по утренней зорьке пастух в одной деревне затрубит в рог, проиграет, а его в сорока деревнях слышат... А был этот камень под восточный угол церкви положен. Церковь сгорела, а с нею колокол в озеро пал и сейчас в Гагарьем омуту лежит. Сколько я об него сетей порвал.

— Да не об колокол ты сети рвал — о коряги. Их тут густо... — начал дед Кукушка. — Я другое об этом камне знаю. Это камень святой...

— Кто его святил? — ехидно заметил Африкан.

— А вот слушайте. В старинные годы здесь старец жил, свои грехи замаливал. Келсейка у него срублена была... Да. И развелось около этого озера невыносимое количество пакости всякой — леших, русалок. Оно всё бы ничего, да озоровать больно стали нечистики эти.

— До чего, братчики, дело дошло. Идёт раз старец трюлочкой сюда от Кинжозера, вдруг прыг к нему кто-то на шею. Оглянулся — русалка. Тело белое, вся в тине зелёной. Старцу и слова не сказать, молитвы не прочитать, рот, что заклеило. А русалка его прутиком постёгивает: «Вези меня, старик, вези! Хочу к сестре в гости на Вашкозеро». Так на старце и сидела, пока он до нашего озера не добежал. Тут спрыгнула она с него и в омут — бух! Только брызги закипели. Да ещё старцу и ручкой помахала... Едва-едва старичок отдышался. Давай креститься, молиться... Утром камень нашёл, крест из него вырубил, всяких заговоров да молитв начитал, — сбегала отсюда вся нечистая сила...

— Ах, Кукушка, Кукушка, — покачал головой Илья Казаков. — Ну, при чём тут нечистая сила? От кого ты только такую сказку слышал?

— От кого бы ни слышал да знаю.

— А что, ребяташки, — сказал Мельников, — свегать начало, надо бы чайку на дорожку вскипятить да кому за сети, кому за удочку, а кому и за ружьё браться!

Он до этого времени лежал в сторонке на хвое, сосал свою потухшую трубку и охотничьи споры слушал... Поднявшись, расшевеливая угли костра, Мельников продолжал:

— Хорошие вы сказки рассказывали. Ну, а я вам правду расскажу и докажу, что всё вы неправду молели. Этому камню и всего полсотни лет, как он сюда попал. Отец мой его сюда привёз. Батя мой, как и я, по мельницам работал, новые жернова рубил, старые насекал. И фамилия наша — Мельниковы... Я это хорошо помню, мне тогда годов двенадцать было. Тогда у купца Качалова отец помер. Злоехидный старичишка был, людям денежки в долг давал под заклады. С того и в купцы вылез. Рубль даст, да вещь в залог возьмёт, да ещё дня три ему за этот рубль либо на покосе, либо в лесной даче отработает... Ну, вот, старик помер, и решил Качалов на его могиле каменный крест соорудить. Моего отца и обязал, тот ему три рубля должен был. Пришлось отцу моему с неделю здесь повозиться, а крест-то и не понадобился. Качалов отказался — не надо, мол, я уже чугунный купил, зелёной краской окрасил... Так и пропали отцовы труды. А вы всё сказки...

— Чем же ты это докажешь? — спросил Кирша.

— А просто. На обратной стороне должны быть буквы высечены «И. М.» — Иван Мельников. Отец у меня на каждом камне, который он обдeldывал, свои буквы ставил.

Дед Кукушка подошёл к камню, кряхтя вывернул его из травы и подкатил к огню.

— Верно! Вот они, буквы, — сказал он. — Твоя правда Василий Иванович.

Стало совсем почти светло. Мы пошли по своим лодкам. А Кукушка понёс камень к своей долблёнке.

— Куда тебе камень? — окликнул его Африкан.

— А вот пособи-ка мне камень этот до лодки доставить. Невелик он, пуда на три потянет с гаком. Хороший из него якорь будет. Ну, а ежели он тут ещё годков десяток полежит, так охотники ещё сотню сказок наплетут...

Поправка к истории

Африкан потерял свою трубку и находился в скверном настроении — пришлось курить самокрутки.

— Дай-ка мне сразу полгазетины, — просит он у меня, помешивая угли костра.

Я отрываю ему немалый паёк. Африкан свёртывает его по размеру будущих цыгарок. Затем по складам прочитывает на клочке, отодранном для закрутки:

«Состоится лекция на тему «Киевское государство», лектор тов. Антонов».

— Так. Лекция! Ах, где-то моя трубка нынче ночует? Не иначе я её у Осипового ручья выронил.

Он закуривает и долго сидит молча. Трещит костёр, и неслышно течёт короткое время весенней ночи. Тихо. Разве иногда примчится откуда-то заблудившийся ветерок, прошумит в елях да бросит сноп искр в Африканову бороду.

— Да, лекция, — говорит Африкан. — Какое же такое «Киевское государство»? Не слышал о таком.

Рассказываю ему о древнем Киеве, о Новгороде, о первых днях нашего государства. Стараюсь, чтобы старик понял меня. Слушает он внимательно, иногда одобрительно хмыкает и всё вертит и вертит свои огромные самокрутки.

— Так, так! Это я ещё мальчишкой в школу ходил, слыхивал кое-что. Вот про Рюрика нам учитель говаривал, про Синеуса, будто их пригласили славянами управлять, — неправда это, по-моему.

— Советские учёные тоже говорят, что неправда...

— Во-во! Неправда. Я про Рюрика от стариков вот что слыхивал.

В старые годы, ежели в Новгороде князь помрёт, то не другого со стороны приглашали, а нового выбирали да не по-нынешнему. А дождутся весны и выгонят старики новгородские на улицу мирского быка. Бык по улице идёт, и старики за ним, не торопятся, своё примечают. Вот ежели бык начей двор завернёт да на том дворе траву щипать зачнёт — быть хозяину того двора князем. Вот как!

Вот и помер князь. Выгнали быка на улицу, идут. Бык туда-сюда, всё кругом дворы богатые, от гостей вся трава приотптана. А жил тогда в Новгороде мужи-

чишка, наш русский, бурлаком был, ладьи да гонки на Ладогу гонял, Рюриком его звали. Бедно жил, избёнка в одно оконце, да и то заколочено — хозяин всё время в отлучке. А на ту пору он дома был, сидел, кашу без масла ел, давился.

Ну, бык к нему на двор. Кто к Рюрику ходит? Вся трава не помята, по колено поднялась. Быку то и любо...

Ахнули старики, а делать нечего, обычай исполняй.

Вошли к Рюрику с поклоном:

«Быть тебе, парень, князем, снимай-ка лапти!».

Рюрик с перепугу и ложку уронил. Ну, поломался для приличия, однако согласился.

— Вот оно как дело-то было...

Послышались шаги. Африкан насторожился и по привычке протянул руку к ружью.

— Ильич, не пальни, свои! — окликнул нас кто-то из темноты.

— Кирша, ты?

— Он самый.

— Что запоздал?

— Дела были. Мир на стану!

— Милости просим! Садись к огню, теперь спать некогда, зорька скоро.

— Ты погляди-ка, Ильич, не твою ли я дымогарную-пожарную у Осинового ручья подобрал?

— Друг ты мой! Вот обрадовал ты меня. Ай да Кирша!

И запалил Африкан свою трубку с таким довольным видом, что всем утешно стало.

Черёмуховый снег

На ночлеге у костра Африкан Ильич любит устраиваться с толком, пониманием дела. Место выберет сухонькое, ровное. Сушняку на всю почь запасёт, чтобы не искать потом дров в темноте. Хвои нарубит — хорошо на ней лежать у огонька. Ружьё не просто к ёлке прислонит, а на сучок повесит. На другой сучок котомочку подвесит, топор обязательно в пень воткнёт. Главное, чтобы всё было под руками, наготове.

— А ты, парень, — говорит он мне, — вырубил-ка сошки да палочку — чайник над огоньком повесить.

Беру топор, забираюсь в кусты, отыскиваю подходящие прутья и только замахваюсь топором, Африкан — раз меня за руку.

— Ты что рубишь?

— Да ведь ты сошки велел вырубить, Африкан Ильич.

— Я не про то. Ты какое дерево срубить нацелился?

— Не всё ли равно какое? Это черёмуха, кажется.

— Черёмуха, черёмуха! Да разве можно весной черёмуху рубит?

— Почему?

— Эю ты. Не знаешь? Мало видно по лесу ходил. Выруби ольховые сошки, а я за водой пошёл...

Потрескивает костёр. Тихо-тихо в лесу. Вот слышно — заяц забекал, словно в губную гармошку часто-часто-часто задудил. Вот на дальнем мховом болоте ранние — «снеговые» журавли затрубили. видно потревожила их лисица...

Дымится чай в жестяных кружках. Я спрашиваю Африкана:

— Почему же, всё-таки, весной черёмуху рубить нельзя?

Отвечает он по своей привычке не сразу. И торопить его нельзя.—Рассердится, совсем ничего не ответит. Жду.

Только закурив, Африкан начинает:

— Конечно, это дело давненько было. Может быть при дедке моего деда, а может быть и до него. Черёмуху и тогда люди уважали: не простое дерево. Зацветёт — душа радуется, весна пришла, отзимья не будет. Молодёжь хороводы заводит, всё кругом веселится. Да и не велика корысть в черёмухе! На дрова не годится, на изделе какое — тоже. Ну, по осени туда-сюда на биток к цепу, на обручи, на дугу, либо на кнутовище. Да...

И вот раз весной пошёл один мужик в лес. «Куда?» — спрашивают. «Да надо оглобли вырубить, хочу черёмуховые справить». «Ой, что ты, парень! Не руби ты милого дерева, в цвету оно сейчас, не рони ты с него весною красу!».

Мужик тот упрямый, злой был... Не послушался...

Ну, пришёл в лес, выбрал черёмуху подходящую, тук по ней топором. И что ты скажешь? В тот же миг похолодало, зимарь-ветер подул. Тук второй раз — затянуло небо тучами, солнце играть перестало. Ударил мужик по черёмухе в третий раз — посыпался с неё цвет, а с цветом и снежок полетел, да всё чаще, гуще, погодушка засвистела, ну вот зима-зимой, вьюга-вьюгой. Мужик в одной рубахе был, по-весеннему, так едва до своего дома добежал, насилу на печи отогрелся.

Нескоро в тот год лето пришлю... Вот оно как было.

— Вот оно как было, — повторил Африкан. — И заметь — из года в год так бывает: как черёмухе цвести — обязательно похолодает, зимарь подует, а бывает и снег пойдёт. Понятно?

— Да не цвет же черёмухи холод несёт...

— Знаю, зато сказка складная.

